

**«Путь к Рубикону»:
американо-советские контакты
в области науки и технологий***

Валерий Юнгблюд

Вятский государственный университет,
Киров, Россия

**“The Way to the Rubicon”:
American-Soviet Contacts in Science and Technology****

Valery Yungblud

Vyatka State University,
Kirov, Russia

The interaction between the USSR and the US during the Cold War was not always of a pronounced confrontational nature. In the early 1970s, the turn from confrontation to detente seemed sensational, but its very possibility was the result of a long evolution of bilateral US-Soviet relations and the system of international relations as such. This article discusses the reasons that prompted the US leadership to expand scientific and research and technology contacts with the Soviet Union in the late 1960s – early 1970s, clarifies the place of scientific and research and technology issues in constructing the US strategy towards the USSR at the beginning of the detente. Although these issues are outlined in the works of some Russian and international authors on Cold War history, no special studies on this problem have appeared so far. The conclusion argues that detente did not mean the US leadership’s rejection of the Cold War, it only temporarily shifted its focus from the arms race and nuclear potentials to the areas where the advantages of the US were more pronounced at the time – to compare living standards, the degree of openness of societies and the quality of the consumer market. The complex of bilateral treaties of 1972–1974 determined the direction and parameters of competitive interaction of the powers in these areas but did not guarantee the convergence and interpenetration of socio-political systems.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01876 «Взаимодействие сверхдержав в сфере науки, техники и технологий в “глобальные семидесятые”».

** *Citation:* Yungblud, V. (2022). “The Way to the Rubicon”: American-Soviet Contacts in Science and Technology. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1691–1707. DOI 10.15826/qr.2022.5.755.

Цитирование: Yungblud V. “The Way to the Rubicon”: American-Soviet Contacts in Science and Technology // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1691–1707. DOI 10.15826/qr.2022.5.755 / Юнгблюд В. «Путь к Рубикону»: американо-советские контакты в области науки и технологий // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1691–1707. DOI 10.15826/qr.2022.5.755.

Keywords: Cold War, detente, US-Soviet relations, scientific and technical cooperation, R. Nixon, H. Kissinger, sanctions

Взаимодействие СССР и США в годы холодной войны не всегда носило выраженный конфронтационный характер. В начале 1970-х гг. поворот от конфронтации к разрядке казался сенсационным, однако сама его возможность была результатом длительной эволюции двусторонних американо-советских отношений и системы международных отношений в целом. В статье рассмотрены причины, побудившие руководство США в конце 1960-х – начале 1970-х гг. пойти на расширение научных и научно-технических контактов с Советским Союзом, уточняется место научной и научно-технической проблематики в конструировании стратегии США в отношении СССР в начале периода разрядки напряженности. Отмечается, что успехи советской науки в 1960-е гг. имели серьезный международный резонанс и побуждали руководство США к развитию взаимовыгодных американо-советских исследовательских и обменных программ. Обосновывается вывод о том, что разрядка не означала отказа руководства США от холодной войны, она лишь на время переместила ее фокус с гонки вооружений и соотношения ядерных потенциалов на те сферы, где преимущества США в тот момент были более выраженными, – на сопоставление уровней жизни, степени открытости обществ и качества наполнения потребительского рынка. Комплекс двусторонних договоров 1972–1974 гг. определял направленность и параметры конкурентного взаимодействия держав в указанных сферах, но не гарантировал сближения и взаимопроникновения общественно-политических систем.

Ключевые слова: холодная война, разрядка, американо-советские отношения, научно-техническое сотрудничество, Р. Никсон, Г. Киссинджер, санкции

Советско-американские переговоры на высшем уровне в Москве завершились 30 мая 1972 г. Итогом стало подписание пакета документов. Важнейшими из них были Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и декларация «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». 3 июля 1972 г. А. С. Черняев (заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Б. Н. Пономарева) сделал в своем личном дневнике запись:

Как бы там ни было, а Рубикон перейден. Великий Рубикон всемирной истории. С этих майских недель 1972 г. будут датировать эпоху конвергенции: не в том пошлом значении этого слова, каким его представляют наши идеологи типа Федосеева, а в его объективно-революционном и спасительном для человечества смысле [Черняев, с. 36].

А. С. Черняев не просто фиксировал факт подписания нескольких международных документов, но говорил о событиях, воспринимавшихся как революционный поворот, прорыв, начало «эры сотрудничества», и в этом он был не одинок [Александров-Агентов, с. 213, 227; Добрынин, с. 240]. Интонации этой записи передавали состояние эйфории, непривычное для автора дневников, более склонного к иронии и сарказму. Пафосный стиль текста подчеркивал торжественность момента: как-никак речь шла об изменении хода истории.

Другой свидетель и непосредственный участник тех событий, Г. Киссинджер (Henry Kissinger), в воспоминаниях, опубликованных десять лет спустя, был гораздо менее оптимистичен. Рассуждая об историческом смысле разрядки, он писал:

Была ли она уловкой, которая должна была убаюкать нас в то время, как Кремль готовил геополитическое наступление? Или же Советы были отрезвлены твердой позицией Никсона в процессе урегулирования, которую тот проявлял в течение длительного времени вкупе с желанием получить ощутимые выгоды в сфере экономических отношений? Рассматривали ли они разрядку всего лишь как тактический маневр? Или же была реальная возможность установить длительные стабильные американо-советские отношения? Был ли Московский саммит 1972 года поворотной точкой, или же ему суждено стать моментом эфемерной эйфории? Мы никогда этого не узнаем, возможно, этого никогда не узнают и советские лидеры [Kissinger, p. 229]¹.

В повестке советско-американского саммита преобладала оборонная тематика, обсуждались проблемы международной политики (в частности, ситуация на Ближнем Востоке и европейская безопасность), торгового и финансово-экономического взаимодействия. Был подписан ряд важных соглашений о сотрудничестве в научно-технической сфере, в освоении космоса, в области науки, образования и культуры. Комплекс решений и договоренностей, определявших новые параметры научного взаимодействия, и степень открытости в отношении новейших технологий придавали дополнительное исключительно важное измерение процессу разрядки международной напряженности.

СССР и США подошли к этому рубежу, преодолев значительные преграды. Формируя перечень будущих программ и проектов, они руководствовались собственными представлениями о том, что такое разрядка, каковы ее перспективы и какое место должно занять научно-техническое сотрудничество в повестке двусторонних отношений и в многосторонних форматах взаимодействия Востока и Запада.

В статье предпринята попытка определить причины, побудившие руководство США в конце 1960-х – начале 1970-х гг. пойти на расши-

¹ Здесь и далее перевод цитат автора статьи.

рение научных и научно-технических контактов с Советским Союзом, установить мотивы и уровень заинтересованности администрации Р. Никсона в развитии кооперации и определить место научной и научно-технической проблематики в конструировании стратегии США в отношении СССР в начале периода разрядки напряженности в двусторонних отношениях. Перечень указанных вопросов намечен в трудах ряда российских и зарубежных авторов по истории холодной войны [Кременюк; Липкин; Печатнов, Манькин; Улунян; Cain; Van Oudenaren; Mastanduno; Stevenson], однако специальных исследований этой проблематики до настоящего времени не появилось.

Научно-технологическое измерение холодной войны

Во второй половине 1940-х гг. развитие науки и наукоемких технологий рассматривалось руководством ведущих держав мира как одно из средств достижения преимуществ в начавшейся холодной войне. Хотя еще в 1920–1930-е гг. в торгово-экономических отношениях СССР и Запада установились важные прецеденты, легализовавшие взаимоотношения свободной рыночной и плановой советской экономических систем, лишь немногие из соглашений тех лет сохранили свое действие [Van Oudenaren, p. 255–256]. На торговлю и научно-технические обмены между СССР и странами Запада были наложены ограничения. Инициатором и наиболее последовательным проводником этого курса выступили США. Важной вехой на этом пути стал план Маршалла, изначально задуманный как средство, «с помощью которого Советский Союз должен был быть окончательно выключен из международного сотрудничества в области торговли» [Минкова, с. 369].

Во второй половине 1947 г. более 200 конгрессменов и сенаторов США посетили Европу для того, чтобы убедиться в целесообразности восстановления разрушенного войной континента. Итогом этой кампании по сбору фактов стал представленный Конгрессу 883-страничный доклад, пронизанный мыслью о том, что «маршаллизировать» следует только Западную Европу, а сам план предназначен для того, чтобы остановить «красный прилив» [Steil, p. 193–194]. В принятый 3 апреля 1948 г. закон «Об оказании помощи иностранным государствам» был включен пункт, запрещающий реципиентам американской помощи поставлять в СССР или подконтрольные ему страны товары или продукты, «если Соединенные Штаты не выдают экспортных лицензий на вывоз в эти страны этих товаров или продуктов в интересах своей национальной безопасности» («поправка К. Мундта»). Вслед за этим «Акт о контроле над оказанием помощи в целях взаимной обороны» («Закон Л. Бэттла»), подписанный президентом Г. Трумэном 26 октября 1951 г., усилил ограничительные и репрессивные нормы в отношении СССР и других социалистических стран вплоть до введения эмбарго на наукоемкие товары и установления экономической блокады. Чтобы не допустить усиления военного потенциала СССР и его союзников, Государственный департамент, ЦРУ, военные

и торговые ведомства США разработали перечень предметов и оборудования, экспорт которых в эти страны запрещался или ограничивался [Cain, p. 132–133].

В 1949 г. Вашингтон закрепил торговые ограничения «Законом об экспортном контроле». Для его реализации был учрежден Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) со штабом в Париже как своего рода «экономическая рука» созданного в том же году НАТО [Cupitt, Grillot, p. 361]. КОКОМ вел контрольные списки ключевых товаров и технологий особого значения, экспорт которых в соцстраны запрещался полностью, частично либо оговаривался особыми условиями. Контрольные списки пересматривались примерно каждые три-четыре года, и количество запрещенных товаров в них варьировалось [CoCom Lists; Technology and East-West Trade, p. 156]. Помимо этого, на деятельность филиалов американских предприятий в Европе распространялось внешнеторговое законодательство США, которое ограничивало экспорт еще нескольких десятков видов продукции. Иногда действия США приобретали характер прямого политического давления на правительства союзных государств с целью предотвратить или ограничить их связи с Москвой в области научного сотрудничества, технологического обмена и торговли [Van Oudenaren, p. 257]. Используя так называемый «дифференцированный подход», правительство США придерживалось более либеральной политики в отношении стран Варшавского договора, демонстрировавших меньшую лояльность Москве [Brada, Wipf, p. 53; Mally, p. 34–35]².

Временный спад конфронтации в советско-американских отношениях, связанный со смертью Сталина и «духом Женевы», давал основания для пересмотра санкционных списков и порождал надежды на снятие некоторых ограничений. Массовые, но непродолжительные ожидания того времени выразил премьер-министр Великобритании У. Черчилль, в выступлении перед палатой общин 25 февраля 1954 г. заявивший, что расширение торговли с Советской Россией повысит шансы на улучшение уровня жизни во всех странах и приведет к тому, что мир будет «перемешиваться» в здоровой и плодотворной торговле в противовес расчетам военных [Winston S. Churchill, vol. 8, p. 8532–8533]. Однако международные кризисы 1950–1960-х гг. перечеркнули эти надежды.

Официальному Вашингтону ограничения в торговле и научно-технологическом обмене с социалистическими странами казались естественными и закономерными исходя из той логики, что США являлись самой развитой державой мира, и развитие сотрудничества в сфере науки и наукоемких технологий сулило непропорционально большие

² Страны, куда направлялся экспорт из западных стран, делились на несколько групп. Румыния (из группы Q), Польша и Венгрия (из группы W) пользовались большими преференциями, чем прочие социалистические страны (входившие в группу Y). На страны группы Z (Кубу, Кампучию, Северную Корею, Вьетнам) накладывалось практически полное эмбарго. Китайская Народная Республика в годы разрядки перешла из группы Z в группу P и стала пользоваться привилегированным положением.

выгоды СССР и его союзникам. Советская сторона в области развития международных научных связей также строила свою политику по правилам холодной войны. Дин Риск (Dean Rusk), с 1954 по 1960 г. возглавлявший Фонд Рокфеллера – в то время один из крупнейших американских центров организации прорывных научных исследований, в том числе и на условиях научной кооперации и обмена, вспоминал:

К сожалению, нам так и не удалось наладить работу с СССР, хотя мы очень этого хотели. Мы были бы счастливы выделить средства на культурные и академические обмены и разнообразные научные проекты, но по факту мы с Советами находились не на одной волне в вопросах свободы передвижения, целей научных исследований, а также в понимании такой проблемы, как академическая свобода.

Приведенные им в качестве доказательства примеры (о попытках наладить научное сотрудничество в области исследований генетики пшеницы и мутации вредоносных пшеничных грибов, а также условий хранения плазмы крови), иллюстрируют атмосферу недоверия, характерного для отношений между двумя странами в это время [Rusk, p. 163–164]. К середине 1960-х гг. обе стороны имели внушительный список взаимных претензий.

Уолт Ростоу (Walt Rostow), совмещавший в 1963 г. должности начальника управления планирования Госдепартамента и помощника советника президента по национальной безопасности, считал торговые ограничения «эффективным оружием в холодной войне» и заявлял от лица администрации, что они «служат символом решимости и морального осуждения СССР» [Frost, Stent, p. 191]. Но для частного американского капитала санкционная политика часто оборачивалась закрытием доступа к восточноевропейскому и китайскому рынкам, существенными упущенными выгодами. В США ревниво наблюдали за тем, как вслед за Финляндией, заключившей в 1955 г. соглашение с СССР о сотрудничестве в области науки и техники, развивать научные связи с СССР стали другие государства Западной Европы, включая членов НАТО – Норвегию (1955), страны Бенилюкса (1964), Италию (1966), Францию (1966), Великобританию (1967) [Липкин, с. 442–455]. Такое развитие событий осложняло отношения США с их союзниками и нейтралами. Неоднократно при прямом вмешательстве США срывались готовившиеся сделки между западными фирмами и заказчиками из Восточной Европы [Brada, Wipf, p. 48].

Помимо упущенных выгод, для США расширение контактов СССР с государствами, входившими в состав НАТО, было чревато еще и серьезными политическими последствиями, поскольку очевидные советские успехи в этом направлении конвертировались в создание двусторонних и многосторонних механизмов кооперации, укреплявших позиции СССР в Европе, а в перспективе способных привести к противопоставлению общеевропейских интересов севе-

роатлантическим. Руководство СССР последовательно продвигало эту стратегию. В 1966 г. в связи с визитом в СССР президента Франции Ш. де Голля советским послам в ряде зарубежных государств было разослано инструктивное письмо с установкой решать европейские проблемы «прежде всего в рамках Европы, то есть практически без американского вмешательства» [Липкин, с. 444]. К 1968 г. эта тенденция оформилась в Декларацию о принципах общеевропейского научно-технического сотрудничества, альтернативную западным планам интеграции. В этом документе предлагалось создавать общеевропейские исследовательские, консультативные и координационные центры, научно-технические советы, обмениваться делегациями, а также патентами и лицензиями, проводить симпозиумы, заниматься совместной разработкой стандартов, а также создавать смешанные комиссии [Там же, с. 441–442]. В Вашингтоне фиксировали эти процессы и прекрасно осознавали их смысл [Улунян, с. 260–261].

Администрация Линдона Джонсона: курс на «наведение мостов»

В середине 1960-х гг. стал существенно меняться баланс количественных и качественных показателей военно-стратегических и научно-технологических потенциалов США и СССР. Это отразилось на эмоциональном фоне конкурентного взаимодействия сверхдержав. Начало этому было положено 4 октября 1957 г. запуском первого советского искусственного спутника земли. Будущий президент (в тот момент сенатор от штата Техас) Линдон Джонсон вспоминал, что в тот день он испытал «глубочайший шок от осознания того, что другая нация способна превзойти [нас] в технологическом отношении» Соединенные Штаты [Johnson, 1971, p. 272]. Многих американцев советский спутник «погрузил в состояние депрессии», которое в последующие годы не ослабевало по мере очевидных советских успехов в космосе, а также в связи с испытанием в СССР межконтинентальной баллистической ракеты.

Хотя американские достижения также становились все более заметными, особенно после вывода на орбиту спутников связи и метеоспутников, отставание от СССР в космосе в течение нескольких лет сохранялось. В начале 1958 г. в Конгрессе состоялись трехмесячные слушания, посвященные обсуждению перспектив космических и оборонных программ и связанных с ними научных исследований и технологических решений. Джонсон писал:

За эти месяцы мы открыли для себя тревожные истины. И среди них был тот факт, что Советский Союз идет впереди Соединенных Штатов в создании баллистических ракет, что его research-&-development система позволяет производить новые виды вооружения за более короткое время, чем в США, и что он готовит ученых и технических специалистов намного быстрее, чем мы [Ibid., p. 272–273, 275].

По итогам слушаний сенаторы подготовили доклад, одобренный как демократами, так и республиканцами. Его рекомендации способствовали увеличению инвестиций в научные исследования, космические программы и военные разработки.

В первой половине 1960-х гг. в сфере наукоемких технологий и в непосредственно связанных с ними сегментах военно-промышленного комплекса СССР продолжал демонстрировать успехи, дававшие ему, помимо прямых экономических и оборонных выгод, политические преимущества. Всеобщий интерес к советским достижениям способствовал широкому внедрению космической тематики в «общую потребительскую культуру» и предоставил Москве беспрецедентную возможность использовать научные открытия своих ученых «как доказательства идеологического превосходства» СССР и стран социализма [Советская культурная дипломатия, с. 91, 96].

Хотя, по данным ЦРУ, в 1964 г. СССР по большинству показателей заметно отставал от США в экономической гонке, в глазах экспертов и избирателей этот аргумент выглядел неубедительно – наметившаяся тенденция бросала тень на ореол США как лидера западного мира и могла увенчаться закреплением первенства социалистических государств в инновационных отраслях научно-технологического комплекса. Согласно оценкам разведывательных аналитических центров, СССР располагал достаточными ресурсами для того, чтобы в обозримом будущем демонстрировать устойчивый рост экономических показателей, научно-технологический прогресс и улучшение качества жизни граждан [Intentions and Capabilities, p. 142, 144].

Кроме того, в октябре 1964 г. в СССР произошла смена руководства. Пришедшая к власти команда Л. И. Брежнева – А. Н. Косыгина провозгласила курс на экономические реформы, технические инновации и повышение жизненного уровня советских людей. В течение первых восьми лет выдерживались высокие темпы экономического роста, расширения потребительской корзины и создания наукоемких отраслей производства. Для СССР это было время надежд, связанных в том числе и с укреплением его позиций на международной арене [Hanson, p. 98–99].

Выравнивание потенциалов сверхдержав в наиболее чувствительных для массового сознания областях поколебало убежденность американцев в незыблемости собственного превосходства [Stevenson, p. 70]. На фоне растущих внутренних и международных протестов по поводу войны во Вьетнаме данное обстоятельство создавало для администрации Л. Джонсона большую проблему. Согласно оценкам аналитиков разведки, СССР имел шансы, используя технологические инновации, добиться паритета или даже превосходства над США, и «почти наверняка» для достижения этих целей в Москве изучались возможности «использования космических систем при создании оборонительных, так и наступательных вооружений» [Intentions and Capabilities, p. 154].

В частных разговорах президент не скрывал своей обеспокоенности. В марте 1965 г. он, обсуждая с сенатором Д. Маклелланом (John McClellan, демократ, Арканзас) советские космические достижения, признался, что «эти (то есть советские. – В. Ю.) парни обходят нас по всем статьям, а мы делаем вид, будто ничего не происходит, и только напрямую столкнувшись с неприятной реальностью, начинаем искать, кого бы сделать козлом отпущения» [Reaching for Glory, p. 237]. Почти через три месяца после этого разговора – 17 июня, сразу после успешного завершения полета «Джемини-4», Джонсон в полемике с администратором НАСА Дж. Уэббом (James Webb) настоял, чтобы члены экипажа Дж. Макдивит (James McDivitt) и Э. Уайт (Edward White) отправились вместе с вице-президентом Х. Хэмфри (Hubert Humphrey) во Францию для участия в международном авиасалоне в Ле-Бурже. Незадолго до этого произошла резонансная катастрофа американского сверхзвукового бомбардировщика Б-58, унесшая жизнь пилота. Уэбб усомнился в целесообразности участия американских астронавтов в «шоу де Голля» в тот момент, «когда русские превосходили» США почти во всем, а участникам выставки было известно о трагедии с бомбардировщиком. На это президент возразил:

Сейчас мы очень плохо выглядим в глазах всего мира, и нам надо использовать любой шанс, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. <...> Все, что у меня есть на этом шоу, это три-четыре жирных конгрессмена и разбившийся Б-58. Я хочу, чтобы они увидели, что на самом деле Америка... значит для всего мира [Reaching for Glory, p. 363].

С конца 1964 г. публичная дипломатия использовалась администрацией Джонсона в рамках «дифференцированного подхода» к СССР и странам социализма и только что провозглашенной политики «наведения мостов» [CIA]. Периодически звучавшие декларации о пользе кооперации в сфере науки, технологий и торговли в плоскость практического взаимодействия, тем не менее, не переводились. Подписанное еще в 1959 г. соглашение о сотрудничестве Академий наук СССР и США сдерживалось политическими факторами, ограничением свободы контактов между западными учеными и их коллегами из социалистических стран, политикой нераспространения высоких технологий. Но редкие исключения все же случались.

В середине декабря 1964 г. президент принял в Белом доме директора Управления науки и технологий Дональда Хорнига (Donald Hornig), возглавлявшего группу бизнесменов и ученых, недавно посетивших СССР с двухнедельным ознакомительным визитом, во время которого они встречались с советскими руководителями. Гости были приняты президентом АН СССР М. В. Келдышем, смогли посетить ряд предприятий, конструкторских бюро и научных лабораторий. В отчете об этом турне говорилось о двусторонней заинтересованности в развитии научной кооперации и торговых отношений между

США и СССР. Джонсон позитивно оценил итоги этого визита, «выразил надежду» на развитие сотрудничества «в ряде специфических областей» технологий и сообщил о готовности побудить другие правительственные ведомства «максимально поддержать развитие мирных контактов» [Johnson, 1964].

С этого времени установка на расширение американо-советских связей и кооперацию несколько раз транслировалась президентом и членами администрации в разных аудиториях и форматах. Хотя эти призывы в целом находили в Москве позитивные отклики, дело, как правило, ограничивалось декларациями. Даже «историческая» (хотя и неофициальная) встреча президента Джонсона с председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным в Гласборо 23–25 июня 1967 г., освещенная идеями «защиты и обещания прогресса» [Кременюк, с. 173], прорывом не стала.

Поворот к разрядке: администрация Р. Никсона

В конце 1960-х гг. в американском истеблишменте развернулись дискуссии по проблеме ослабления ограничений в торговле. Консерваторы предостерегали: кредиты, а также продажа товаров и технологий социалистическим странам будут способствовать укреплению их военного потенциала, и, соответственно, усилению угрозы странам НАТО [Wade, 1974, p. 499]. Их оппоненты указывали на упущенные возможности для американского бизнеса, преподносили расширение торгового обмена как средство «смягчения советских нравов», «разрыхления советского блока». Акцентировалось, что невозможно надежно гарантировать нераспространение высоких технологий в социалистические страны, поскольку СССР прилагает огромные усилия к их приобретению как законными, так и незаконными средствами, широко использует промышленный шпионаж [Mally, p. 38]. Отмечалось также, что запрет на продажу СССР определенных товаров побуждает советских производителей разрабатывать собственные аналоги, и в этих условиях Западу выгодно продавать СССР высокотехнологичные товары, чтобы поддерживать отсталость и зависимость советской экономики [Wade, 1978, p. 426].

В предвыборной кампании 1968 г. о научно-техническом прогрессе в контексте взаимоотношений США с СССР и странами социализма речи почти не шло. В риторике кандидатов доминировала тема войны во Вьетнаме. Победивший в предвыборной гонке Р. Никсон, не скупясь в выражениях, обвинял предыдущую администрацию в мягкотелости, имевшей следствием появление «смертельно опасной брешы» в системе безопасности страны, и обещал восстановить безусловное превосходство США в области вооружений [History of American Presidential Elections, p. 1354]. Ключевую роль в разработке внешней политики администрации с первого же дня играл помощник президента по национальной безопасности Генри Киссинджер.

1969–1970 гг. были отмечены «повышенной турбулентностью» в двусторонних отношениях, в том числе и из-за того, что к и без того небесконфликтной повестке этих отношений добавилось охлаждение в связи с «Пражской весной». Тем не менее, склонность пришедшей в Белый дом республиканской администрации во главу угла ставить прагматичный подход и ее заинтересованность в достижении быстрых и ориентированных на перспективу результатов создавали неплохую основу для достижения прогресса в вопросах сотрудничества в области торговли, технологий и науки. «Мы действительно верили, что тщательно контролируемая торговля будет укреплять сосуществование, основанное на балансе сил», – позднее отмечал Киссинджер. В острой полемике с критиками политики разрядки он доказывал, что улучшение отношений с Москвой «пойдет на пользу плюрализму демократической системы, ее экономической жизнеспособности, технологическим инновациям и креативности свободных людей» [Kissinger, p. 245, 247].

Никсон, хотя и не без оговорок, принимал такой подход. Свое кредо в отношении роли государства в развитии научных изысканий он сформулировал еще в конце 1950-х гг., будучи вице-президентом в администрации Д. Эйзенхауэра: «Если великая нация отказывается от соревнования в области исследования неизвестного, то она перестает быть великой» [Nixon, vol. 1, p. 530; vol. 2, p. 61, 63].

Соревнование с СССР не исключало возможности взаимовыгодного сотрудничества и обмена, тем более что к концу 1960-х гг. в этой сфере накопился внушительный список нерешенных вопросов. Их систематизацией и поиском способов расширения кооперации с СССР администрация занялась сразу после прихода в Белый дом. Повод для этого возник уже 17 февраля 1969 г., когда после встречи с Р. Никсоном А. Добрынин передал Киссинджеру документ, в котором системно излагались ключевые проблемы текущей повестки советско-американских отношений. В шестом пункте этого документа предлагалось придать «масштабность» двустороннему диалогу путем развития связей и сотрудничества «в самых различных областях: научно-технической, экономической, культурной» [FRUS, 2006, p. 46–47].

Запись беседы президента с послом не содержит упоминаний об этом предложении, однако меморандум Добрынина сохранился в бумагах Никсона, и дальнейшие события свидетельствуют о том, что он подвергся тщательному изучению. Через несколько недель в недрах СНБ был подготовлен меморандум «Торговая политика США с коммунистическими государствами (за исключением Китая, Кубы и Югославии)», в котором подробно, с проработкой возможных альтернатив рассматривались ключевые для нормализации двусторонних отношений вопросы: о целесообразности либерализации торговых отношений с СССР; об оправданности использования дифференцированного подхода к взаимоотношениям с разными социалистическими странами; о рисках, связан-

ных с ослаблением контроля над экспортом в СССР высоких технологий и наукоемкой продукции. Отдельное внимание было уделено возможным последствиям расширения сотрудничества с СССР и странами Восточного блока для отношений США с союзниками [FRUS, 2001, p. 756–763].

Хотя соотношение возможных выгод и потенциальных угроз было примерно равным, администрация в конечном итоге склонилась в пользу сотрудничества. В значительной мере такой выбор определялся установкой Никсона на создание максимально благоприятных условий для решения главных на тот момент для США политических проблем (выход из войны во Вьетнаме и стабилизация гонки ядерных вооружений, в которой СССР к тому времени уверенно приближался к паритету). Для гарантированного достижения прогресса на этих направлениях от американской стороны, по мнению президента, требовалась демонстрация доброй воли в деле либерализации правил торговли и научно-технологического контроля [Nixon, vol. 2, p. 60–64]. В то же время поворот не был уступкой, сделанной под давлением политических обстоятельств. Речь в данном случае шла о новой стратегии, имевшей все шансы перерасти в долговременный тренд.

Киссинджер неоднократно пояснял, что суть политики администрации состоит в том, чтобы побудить Москву к повороту ее внешнеполитического курса в нужное Западу русло. Он отмечал в мемуарах:

Когда речь идет о нашей национальной безопасности, мы всегда должны быть прагматиками. В погоне за прибылями мы не можем пренебрегать национальной безопасностью. Но по ту сторону этого фундаментального основания любой политики возникает главный вызов: как претворять в жизнь наши принципы и не оказаться при этом в изоляции.

Каждое поколение, по его мнению, данную дилемму должно было решать для себя заново с учетом современного состояния науки, технологий и характера имеющихся на данный момент угроз [Kissinger, p. 1077].

Решения, принятые политическим тандемом Никсона – Киссинджера в течение первого срока пребывания в Белом доме, в целом были выдержаны в логике углубления разрядки, распространения ее на сферы науки, технологий, образования, культуры и торговли. Прогресс в этих направлениях, как правило, увязывался с попытками добиться от СССР встречных шагов. В то же время в Законе о регулировании экспорта (1969) отмечалось, что необоснованные ограничения отрицательно сказываются на платежном балансе страны, и указывалось на необходимость пересмотра и сокращения санкционных списков [Mastanduno, p. 96]. Хотя этот закон полностью так и не был

реализован, в США он создавал правовые основания для американо-советского сотрудничества, которое достигло своего пика в серии двусторонних соглашений 1972–1974 гг.³

К тому моменту, когда руководство США сделало выбор в пользу разрядки, она уже в течение нескольких лет успешно апробировалась ведущими государствами Западной Европы, искавшими и находившими способы сближения Востока и Запада. Франция и Германия дальше других продвинулись в этом направлении, но разнообразные формы кооперации с СССР и другими странами СЭВ изучались также в Лондоне, Риме, Брюсселе и столицах других государств – союзников США. Дилемма американской политики («как претворять в жизнь наши принципы и не оказаться при этом в изоляции»), на которую указывал Киссинджер, на рубеже 1960–1970-х гг. для администрации Никсона оформилась в проблему выбора: либо продолжать курс холодной войны, рискуя ослабить свои связи с союзниками и позволяя Советскому Союзу окончательно освоиться в «общеевропейском доме», либо укрепить свое лидерство в западном мире и настоять на приоритете «атлантических ценностей» над «общеевропейскими».

Выбор был сделан в пользу «атлантизма», и он требовал немедленного подключения к разрядке. Вступая в примирительный диалог с Москвой, Вашингтон временно понижал градус конфликтности в противостоянии сверхдержав, одновременно укрепляя свой статус лидера «свободного мира», открытостью и готовностью к сотрудничеству демонстрирующего жизнеспособность демократии.

Свершая небывалый внешнеполитический вираж, республиканская администрация, по сути дела, ничем не рисковала. Своим политическим оппонентам она охотно напоминала, что СССР, несмотря на всевозможные ограничения, запреты и санкции, установленные по линии КОКОМ и внутренним законодательством США, добился впечатляющих достижений в науке и паритета в сфере ядерных вооружений. Коль скоро ограничения продемонстрировали свою неэффективность, отказ от сотрудничества и сохранение санкций утрачивали смысл.

К моменту «смены караула» в Белом доме среди представителей бизнеса и интеллектуальной элиты США ожидание прорыва в отношениях между двумя ядерными, космическими, научными и экономическими гигантами уже сформировалось. Для осуществления надежд,

³ Наиболее важные соглашения: О сотрудничестве в области медицинской науки и здравоохранения (23 мая 1972 г.); О научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (21 июня 1973 г.); О торговле и установлении режима наибольшего благоприятствования (18 октября 1972 г.); О сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях (24 мая 1974 г.); О сотрудничестве в области исследования Мирового океана (19 июня 1973 г.); О контактах, обменах и сотрудничестве на период до 31 декабря 1979 г. (19 июня 1973 г.); О сотрудничестве в области охраны окружающей среды (23 мая 1972 г.), Конвенция по вопросам налогообложения (20 июня 1973 г.).

связанных с этим ожиданием, требовалась политическая воля. И советские, и американские руководители этим качеством обладали. При этом они демонстрировали расчетливость и желание извлечь ощутимые выгоды из наметившейся кооперации. В США были осведомлены о значительных успехах советской фундаментальной науки, а также о прикладных исследованиях и перспективных разработках в металлургии, в технологиях автоматической и полуавтоматической сварки, в термоядерном синтезе, в производстве оружия и военной техники, в судо- и авиастроении, в космической отрасли [Wilczynski, p. 297]. Способность советской стороны в рамках двустороннего сотрудничества выступать не только потребителем американских достижений, но и донором в глазах американского истеблишмента придавала договорам о сотрудничестве существенную привлекательность.

Рассуждая о достижениях и неудачах первой администрации Никсона, Киссинджер сделал характерное признание: «Разрядка задумывалась как способ взаимоотношений между соперниками, она не предполагала дружбы» [Kissinger, p. 469]. Разрядка не означала отказа от холодной войны, но она на время переместила ее фокус с гонки вооружений и соотношения ядерных потенциалов на соревнование в тех сферах, где преимущества США в тот момент были более выраженными, – на сопоставление уровней жизни, степени открытости обществ и качества наполнения потребительского рынка. Комплекс двусторонних договоров 1972–1974 гг. определял направленность и параметры конкурентного взаимодействия держав в указанных сферах, но не гарантировал сближения и взаимопроникновения общественно-политических систем.

Список литературы

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. М. : Междунар. отношения, 1994. 299 с.

Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) М. : Автор, 1997. 688 с.

Кременюк В. А. Уроки холодной войны. М. : Аспект Пресс, 2015. 319 с.

Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с.

Минкова К. В. Экономические истоки холодной войны: советско-американские отношения в 1943–1947 гг. СПб. : Скифия-принт, 2021. 503 с.

Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М. : Междунар. отношения, 2012. 672 с.

Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны. 1945–1989 / под ред. О. С. Нагорной. М. : Полит. энцикл., 2018. 446 с.

Улунян Ар. А. Восточноевропейская часть СЭВ глазами «главного противника»: оценки и прогнозы ЦРУ США в 1964–1978 гг. // Мировая система социализма и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов / отв. ред. М. А. Липкин. М. : Весь мир, 2019. С. 241–332.

Черняев А. С. Дневники советского политика 1972–1991 гг. – взгляд изнутри. 1972 год : [электронный ресурс]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu//rus/text_files/Chernyaev/1972.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

Brada J. C., Wipfl J. The Impact of U. S. Trade Controls on Exports to the Soviet Bloc // Southern Economic Journal. 1974. Vol. 41, № 1. P. 47–56.

Cain F. Computers and the Cold War: United States Restrictions on the Export of Computers to the Soviet Union and Communist China // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40, № 1. P. 131–147. DOI 10.1177/0022009405049270.

CIA. The President's Daily Brief, 29 January, 1965 // Central Intelligence Agency (CIA) : [website]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005967491.pdf (accessed: 26.05.2022).

CoCom Lists // Sam Weis Evan's Research : [website]. URL: <https://evansresearch.org/cocom-lists/> (accessed: 22.05.2022).

Cupitt R. T., Grillot S. R. COCOM is Dead, Long Live COCOM: Persistence and Change in Multilateral Security Institutions // British Journal of Political Science. 1997. Vol. 27, № 3. P. 361–389. DOI 10.1017/S0007123497000185.

Frost E. L., Stent A. E. NATO's Troubles with East-West Trade // International Security. 1983. Vol. 8, № 1. P. 179–200.

FRUS. 1969–1976. Vol. 4. Foreign Assistance, International Development, Trade Policies, 1969–1972. Washington, GPO, 2001. 1154 p.

FRUS. 1969–1976. Vol. 12. Soviet Union, January 1969 – October 1970. Washington, GPO. 2006. 701 p.

Hanson Ph. The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR from 1945. L. : Longman, 2003. 279 p.

History of American Presidential Elections : 3 vols. / ed. by G. Troy, A. M.-jr. Schlesinger, F. L. Israel. N. Y. : Infobase Learning, 2012. Vol. 3. 1944–2008. 1706 p.

Intentions and Capabilities: Estimates on Soviet Strategic Forces, 1950–1983 / ed. by D. P. Steury. Washington, DC : History Staff, Center for the Study Intelligence, CIA, 1996. 504 p.

Johnson L. B. Remarks to the Members of a Delegation of Industrial Research Leaders upon Their Return from the Soviet Union, December 15, 1964 // The Am. Presidency Project : [website]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-members-delegation-industrial-research-leaders-upon-their-return-from-the> (accessed: 29.05.2022).

Johnson L. B. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency 1963–1969. N. Y. : Holt : Rinehart and Winston, 1971. 636 p.

Kissinger H. Years of Renewal. N. Y. : Simon & Schuster, 1999. 1151 p.

Mally G. Technology Transfer Controls // Jurimetrics. 1982. Vol. 23, № 1. P. 33–39.

Mastanduno M. The United States Defiant: Export Controls in the Postwar Era // Daedalus. 1991. Vol. 120, № 4. P. 91–112.

Nixon R. The Memoirs of Richard Nixon : 2 vols. N. Y. : Warner Books, 1978. Vol. 1. 688 p. Vol. 2. 704 p.

Reaching for Glory: Lindon Johnson's Secret White House Tapes, 1964–1965 / ed. by M. Beschloss. N. Y. : Simon & Schuster, 2001. 474 p.

Rusk D. As I Saw It. A Secretary of State's Memoirs. N. Y. : I. B. Tauris & Co, 1990. 589 p.

Steil B. The Marshall Plan: Down of the Cold War. N. Y. : Simon & Schuster Paperbacks, 2018. 608 p.

Stevenson R. W. The Rise and Fall of De'tente: Relaxing of Tension in US-Soviet Relations, 1953–84. L. : Macmillan, 1985. 238 p.

Technology and East-West Trade. November, 1979. US GPO. 301 p. // Office of Technology Assessment Archive : [website]. URL: <https://ota.fas.org/reports/7918.pdf> (accessed: 21.05.2022).

Van Oudenaren J. De'tente in Europe: The Soviet Union and the West since 1953. Durham : Duke Univ. Press, 1991. 490 p.

Wade N. Computer Sales to U. S. S. R.: Critics Look for Quid Pro Quos // Science, New Series. 1974. Vol. 183, № 4124. P. 499–501.

Wade N. American-Soviet Relations: The Canceled Computer // Science, New Series. 1978. Vol. 201, № 4354. P. 422–426.

Wilczynski J. The East-West Technological Gap and the “Reverse” Flow of Technology // *Acta Oeconomica*. 1975. Vol. 15, № 3/4. P. 293–307.

Winston S. Churchill: His Complete Speeches 1897–1963 / ed. by R. James : 8 vols. N. Y. : Chelsea House Publ., 1974.

References

Aleksandrov-Agentov, A. M. (1994). *Ot Kollontai do Gorbacheva. Vospominaniya diplomata, sovetnika A. A. Gromyko, pomoshchnika L. I. Brezhneva, Yu. V. Andropova, K. U. Chernenko i M. S. Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev. The Memoirs of Diplomat, Assistant of A. A. Gromyko, Adviser of L. I. Brezhnev, Yu. V. Andropov, K. U. Chernenko and M. S. Gorbachev]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 299 p.

Beschloss, M. (Ed.). (2001). *Reaching for Glory: Linton Johnson's Secret White House Tapes, 1964–1965*. N. Y., Simon & Schuster. 474 p.

Brada, J. C., Wipf, L. J. (1974). The Impact of U. S. Trade Controls on Exports to the Soviet Bloc. In *Southern Economic Journal*. Vol. 41. No. 1. pp. 47–56.

Cain, F. (2005). Computers and the Cold War: United States Restrictions on the Export of Computers to the Soviet Union and Communist China. In *Journal of Contemporary History*. Vol. 40. No. 1. pp. 131–147. DOI 10.1177/0022009405049270.

Chernyaev, A. S. (1972). *Dnevnik sovetskogo politika 1972–1991 gg. – vzglyad iznutri. 1972 god* [Diaries of a Soviet Politician 1972–1991 – View from inside. Year 1972] : [website]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Chernyaev/1972.pdf (accessed: 22.05.2022).

Churchill, W. S. (1974). *Winston S. Churchill: His Complete Speeches 1897–1963* / ed. by R. James. 8 vols. N. Y., Chelsea House Publishers.

CIA. The President's Daily Brief, 29 January. (1965). In *Central Intelligence Agency (CIA)* [website]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005967491.pdf (accessed: 26.05.2022).

CoCom Lists. (N. d.). In *Sam Weis Evan's Research* [website]. URL: <https://evansresearch.org/cocom-lists/> (accessed: 22.05.2022).

Cupitt, R. T., Grillot, S. R. (1997). COCOM is Dead, Long Live COCOM: Persistence and Change in Multilateral Security Institutions. In *British Journal of Political Science*. Vol. 27. No. 3. pp. 361–389. DOI 10.1017/S0007123497000185.

Dobrynin, A. F. (1997). *Sugubo doveritel'no. Posol v Washington pri schesti prezidentakh SShA (1962–1986 gg.)* [Strictly Confidential: An Ambassador to Washington under Six US Presidents (1962–1986)]. Moscow, Avtor. 688 p.

Frost, E. L., Stent, A. E. (1983). NATO's Troubles with East-West Trade. In *International Security*. Vol. 8. No. 1, pp. 179–200.

FRUS. 1969–1976. Vol. 12. *Soviet Union, January 1969 – October 1970*. (2006). Washington, GPO. 701 p.

FRUS. 1969–1976. Vol. 4. *Foreign Assistance, International Development, Trade Policies, 1969–1972*. (2001). Washington, GPO. 1154 p.

Hanson, Ph. (2003) *The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR from 1945*. L., Longman. 279 p.

Johnson, L. B. (1964). Remarks to the Members of a Delegation of Industrial Research Leaders upon Their Return from the Soviet Union, December 15, 1964. In *The Am. Presidency Project* : [website]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-members-delegation-industrial-research-leaders-upon-their-return-from-the> (accessed: 29.05.2022).

Johnson, L. B. (1971). *The Vantage Point: Perspectives of the Presidency 1963–1969*. N. Y., Holt, Rinehart and Winston. 636 p.

Kissinger, H. (1999). *Years of Renewal*. N. Y., Simon & Schuster. 1151 p.

Kremenyuk, V. A. (2015). *Uroki kholodnoi voiny* [The Lessons of a Cold War]. Moscow, Aspekt Press. 319 p.

- Lipkin, M. A. (2016). *Sovetskii Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov* [The Soviet Union and Integration Processes in Europe: Mid-1940s – Late 1960s]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 560 p.
- Mally, G. (1982). Technology Transfer Controls. In *Jurimetrics*. Vol. 23. No. 1, pp. 33–39.
- Mastanduno, M. (1991). The United States Defiant: Export Controls in the Postwar Era. In *Daedalus*. Vol. 120. No. 4, pp. 91–112.
- Minkova, K. V. (2021). *Ekonomicheskie istoki kholodnoi voiny: sovetsko-amerikanskije otnosheniya v 1943–1947 gg.* [The Economical Origins of the Cold War: The Soviet-American Relations, 1943–1947]. St Petersburg, Skifiya-print. 503 p.
- Nagornaya, O. S. (Ed.). (2018). *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyakh kholodnoi voiny. 1945–1989* [The Cultural Diplomacy of the USSR in the Cold War. 1945–1989]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 446 p.
- Nixon, R. (1978). *The Memoirs of Richard Nixon*. 2 vols. N. Y., Warner Books. Vol. 1. 688 p. Vol. 2. 704 p.
- Pechatnov, V. O., Manykin, A. S. (2012). *Istoriya vneshnei politiki SShA* [The History of US Foreign Policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 672 p.
- Rusk, D. (1990). *As I Saw It. A Secretary of State's Memoirs*. N. Y., I. B. Tauris & Co. 589 p.
- Steil, B. (2018). *The Marshall Plan: Down of the Cold War*. N. Y., Simon & Schuster Paperbacks. 608 p.
- Steurly, D. P. (Ed.). (1996). *Intentions and Capabilities: Estimates on Soviet Strategic Forces, 1950–1983*. Washington, DC, History Staff, Center for the Study Intelligence, CIA. 504 p.
- Stevenson, R. W. (1985). *The Rise and Fall of De'tente: Relaxing of Tension in US-Soviet Relations, 1953–84*. L., Macmillan. 238 p.
- Technology and East-West Trade. November. US GPO. 301 p. (1979). In *Office of Technology Assessment Archive* : [website]. URL: <https://ota.fas.org/reports/7918.pdf> (accessed: 21.05.2022).
- Troy, G., Schlesinger, A. M. -jr, Israel, F. L. (Eds.). (2012). *History of American Presidential Elections*. 3 vols. N. Y., Infobase Learning. Vol. 3. 1944–2008. 1706 p.
- Ulunyan, Ar. A. (2019). Vostochnoevropeskaya chast' SEV glazami “glavnogo protivnika”: otsenki i prognozy TsRU SShA v 1964–1978 gg. [The East-European Part of CMEA through the Eyes of “the main adversary”: The CIA's Estimates and Forecasts in 1964–1978]. In Lipkin, M. A. (Ed.). *Mirovaya sistema sotsializma i global'naya ekonomika v seredine 1950-kh – seredine 1970-kh godov*. Moscow, Ves' mir, pp. 241–332.
- Van Oudenaren, J. (1991). *De'tente in Europe: The Soviet Union and the West since 1953*. Durham, Duke Univ. Press. 490 p.
- Wade, N. (1974). Computer Sales to U. S. S. R.: Critics Look for Quid Pro Quos. In *Science, New Series*. Vol. 183. No. 4124, pp. 499–501.
- Wade, N. (1978). American-Soviet Relations: The Canceled Computer. In *Science, New Series*. Vol. 201. No. 4354, pp. 422–426.
- Wilczynski, J. (1975). The East-West Technological Gap and the “Reverse” Flow of Technology. In *Acta Oeconomica*. Vol. 15. No. 3/4, pp. 293–307.

The article was submitted on 14.06.2022